

Философско-антропологический компонент феномена идентичности

Тебякина Елена Евгеньевна

Аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

E-mail: elenasofos@gmail.com

Современный мир - мультикультурный, многообразный и альтернативный предлагает человеку огромную палитру выбора различных вариантов ответа на постоянно возникающий вопрос «Кто я? Зачем я здесь? Каково моё место в мире?». Иными словами, перед человеком с момента становления его личностью, постоянно проблема собственной идентичности. Основной вопрос, однако, состоит как раз в то, как вообще возможно образование идентичности в современном мире и что значит выстроить собственную идентичность. Прежде всего, необходимо определиться с самим термином «идентичность». Идентичность - согласно определению большинства исследователей (С. Хантингтон, Э. Эрикссон, Э. Левинас, Ж. Деррида, И. Нойманн), заключается в тождественности самому себе, нахождению некой единой точки сборки собственного бытия.

Кроме того, идентичность - это ещё и возможность обнаружения оснований, которые бы конструировали как жизненный мир, так и социальную действительность, окружающего индивида в целом. Хотя при этом, термин «идентичность» по-прежнему не лишён двойственности и неопределённости, особенно в вопросе о «кризисе идентичности». Большинство авторов, как отечественных, так и зарубежных, сходятся во мнении о наличии двух основных стратегий идентичности: собирательной (мы - это набор определённых качеств и условий, например, прочитанных книг, просмотренных фильмов, общности социальных и культурных взглядов и т.д.), и оппозиционной (мы - это не они). Хотя зачастую собирательная стратегия изначально выстраивается из оппозиционной, поскольку в формировании идентичности значительную роль играет фигура Другого. Так, например, Другой Левинаса, «принципиально Другой», не только не тождественный мне, но именно и ценный своей инаковостью позволяет мне оппозиционально выстроить собственную идентичность. К выводу Э. Левинаса склоняется и видный американский психолог Эрик Эрикссон в своей книге «Идентичность: юность и кризис»: «Идентичность индивида основывается на двух одновременных наблюдениях: на ощущении тождества самому себе и непрерывности своего существования во времени и пространстве и на осознании того факта, что твои тождество и непрерывность признаются окружающими». [2]

Идентичность формируется и как групповая и как индивидуальная, но, так или иначе, основывается на признании если не общего, то некоторого единого контекста. Причём именно групповая идентичность становится мощной опорой для формирования индивидуальной. Поэтому существование внутри сообщества способствует конструированию мощной идентификационной машины, которая действует по той или стратегии, или же параллельно совмещает их.

Кризисные явления в сфере идентичности связаны с утратой ориентации на единство. Постмодерновая установка на постоянную вариативность, смешение, эклектику, мгновенное распространение информации посредством Интернета, порождение многоуровневых симулякров, воплощение социального и индивидуального бытия разрывает человека на части. Невозможность найти единую «точку сборки», как собственного тела, так и психики приводит к неизбежному кризису. Именно поэтому основная задача философской антропологии при работе с термином идентичность состоит в том, чтобы предать этому термину собственно человеческий смысл.

Поэтому новая стратегия должна заключаться не в формировании идентичности вокруг некоторого центра, а в попытке образования механизма, который бы служил не столько фундаментом, сколько критерием и даже фильтром, позволяющим не только противостоять огромному информационному потоку, но и выделять, из него важные и необходимые моменты. Следовательно, необходимо обратиться непосредственно к антропологической практике и попытаться сформировать понятие идентичности по аналогии с определением границы живого тела, введённого Х. Плеснером в своей работе «Ступени органического и человек. Введение в философскую антропологию»; «Чтобы в каком-нибудь образовании можно было отличать направление вовнутрь от направления вовне, в нем должно быть что-то такое, что нейтрально по отношению к самим направлениям и позволяет установку в том или ином направлении. В этой нейтральной зоне оба направления, как говорится, натываются друг на друга, из нее они исходят. Через нее переходят из области внешнего мира в собственное внутренне пространство человека. Различие направлений обеих областей сохраняется, если при прохождении через нейтральную зону переворачивается смысл направления. Поскольку нейтральная по отношению к направлениям зона сама не может занимать никакой области, которая устраняла бы исключительность противоположности направлений в соответствующем образовании и ставила бы наряду с внешним и внутренним некое реально указуемое «между», она является границей.» [1]

Граница понимается Плеснером не только как нечто находящееся на периферии живого тела и рубеже его сознания и самосознания, но также как некое нейтральное пространство, как особая область перехода явлений внешнего мира во внутреннее жизненное пространство конкретного человека. Причём данная область в полной мере не принадлежит ни самой вещи, ни внешнему миру и непосредственно благодаря этому приобретает особую гибкость. Так, идентичность, принятая в качестве границы, а не центра, позволит ввести в контекст жизненного мира человека информационного общества новые смыслы, представления о мире, способы получения и работы с данными, циркулирующими в виртуальной среде, а также послужит критерием для выбраковывания посторонней информации.

Принимая во внимание вышесказанное, отметим, что несмотря на смещение механизма идентичности из центра жизненного мира человека в приграничную область, он по-прежнему сохраняет свой социальный характер, даже в информационном обществе. Именно поэтому формирование идентификации идёт одновременно двумя путями: актуальным самоотождествлением с наличествующей хронотипической ситуацией и одновременной презентацией себя окружающим. Однако благодаря эффективно действующему механизму идентичности нахождение и функционирование в поле социального позволяет не только обрести единомышленников, но и обнаруживать и выбраковывать «чужаков». Так, например, понимание общего контекста научной парадигмы, принятой в том или ином научном сообществе или школе, а также общность методов и способов обработки информации при формировании определённого типа научной рациональности, являющегося маркером принадлежности к той или иной части научного сообщества, а также нахождение в общем контексте позволяют непосредственно ощутить общность (а значит и наглядно демонстрирует групповую идентичность), при этом создавая условный дискурсивный барьер между «нашими» и «ненашими»;

Идентичность как граница человеческой личности и собственного поля жизненного мира, способная мобильно реагировать на быстроизменяющуюся действительность внешнего информационного мира позволит человеку скорее адаптироваться в постоянно изменяющемся условиях существования, а также выстроить эффективный механизм защиты, способный или не дать ядру человеческой личности разрушиться полностью, или предо-

ставить возможность быстрой и гибкой перестройки этого ядра, под воздействием более актуальной ситуации.

Источники и литература

- 1) 1. Плеснер Х. “Ступени органического и человек. Введение в философскую антропологию” [Электронный ресурс], Библиотека учебной и научной литературы, URL: http://sbiblio.com/BIBLIO/archive/plesner_problema/ [Дата обращения 24.01.2016].
- 2) 2. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис/ общ. ред. и предисл. А.В. Толстых – М.: Прогресс, 2006. – 352 с.